

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

ПОЁТ БЕЗУМНАЯ СИРЕНЬ

СЛОВО

Когда проьёт над нами час возмездья,
И мы уйдём в глухую ночь забвенья,
Свой кров и свой очаг, своё пространство
Освобождая чужеземцам пришлым,
Что́ я скажу: не жаль нас, ибо мы
Превысили долготерпенье Божье,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Распродали на улицах — и вот
Посеянное нами пожинаем...
А жаль чего единственно — язык,
Родную речь, божественное слово,
Что как алмаз, соделанный брильянтом
Руками мастеров и духовидцев,
В грязь упадёт и молча при дороге
Затопчется пятою иноверца...

КОНОВСКОЙ Николай Иванович родился в селе Варваровка Алексеевского района Белгородской области. Окончил Литературный институт имени Горького. Автор книг "Равнина", "Твердь", "Зрак", "Врата вечности", подборок в периодической печати. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ВОЗРОЖДЕНИЕ (Рассказ попутчика)

“...Неплохо раньше жили. Наш район
При прежней власти, ну, при коммунистах,
Стройтрест имел и молокозавод,
Хлебозавод, химмаш, сельмаш и даже
Завод кроватный, чтобы было чем
Народу заниматься ночью и
Плодилось население, и тюрьма
Имелась на окраине, — ну, всё
Чтоб было, как у всех людей. Тогда
В колхозах, при “совке”, клочка земли
Вам было не найти непаханой, теперь
Как будто бы Мамай везде прошёл, народ
Изверился и выродился. Те,
Что не пропили ум ещё, с сумой
Батраческой пошли по белу свету,
А остальным и срам прикрыть-то нечем...
Одна тюрьма осталась здесь в районе
Да для начальства офисы — увидишь,
Как будешь проезжать; ещё забыл
Сказать — построили две церкви,
Стоят пустые”.

Плакать иль смеяться?

ПЕТЕРБУРГ

Как нищему подарок драгоценный,
Сон наяву, — каким-то Божьим чудом
Был даден на неделю этот город
С его имперским выпревшим величием,
С его Невою и Адмиралтейством,
С его садами, парками, дворцами
И грозным Медным всадником, змею
Не раздавившим, ту, чьё злое семя
Смертельно через двести лет Россию
Ужалит...
И великий чудный город
Похож был на божественное тело,
Оставленное духом. И ни Зимний,
Ни столп Александрийский, ни Нева,
Ни в высоте пустынной Исаакий,
Ни самодержцев вещице гробницы,
И прочее, и прочее — ничто
Отрадного мечтания во мне
Не шевелило так, как вдалеке
На острове, средь вечности и тлена
На городском ветшающем кладбище
Смиренная часовенка — приют
И келья, где блаженная жилица
Скорбящих утешает, где покой,
Прозреньё и раскаянье, где ты
Под неприятным леденящим небом
Среди простых, потерянных, убогих
Вдруг понимаешь, — кто, зачем ты сам
И всё вокруг на этом белом свете...

* * *

Семнадцать лет. Цветущий май...
Не вспоминай. Не вспоминай!

Река. Дремучая ветла.
Благоухание тепла.

Войти. Взойти. Вобрать. Объять.
Колелется живая гладь.

Всё — свет, всё — мрак, всё — жизнь, всё — тлен, —
Поёт безумная сирень.

Как сон — душа твоя близка.
Руки пугается рука.

Души касается душа.
Боль первозданна и свежа.

В смерть — отворённое окно...
Давным-давно, давным-давно.

УШЕДШИМ

Не странно ли: кого любили,
В глухие пропасти земли
Ушедши, дверь не затворили,
А может, вовсе не ушли.

Не странно ли: в закрытой зоне,
В незаходящем свете дня
Душа моя, как на ладони,
У вас, а ваша — у меня...

ПЕПЕЛ

Тихий пепел сгоревшего дня.
Ни души, ни тебя, ни меня.

Не ищи, не свищи, не взыщи:
Ни меня, ни тебя, ни души.

Ах, когда-то, когда-то была
Ты как день восходящий бела,

И тиха, и проста, и чиста,
Как в ключах потаённых вода.

Уносился в бездонную даль
И звенел осиянный хрусталь,

И тобою одною дыша,
Трепетала от муки душа,

И твоя — в нестерпимом огне —
Нисходя, растворялась во мне...

Сколько мук, сколько рук, сколько лет!..
Только синь, только жизнь, только свет.